

ОЛЕГ КОМКОВ

***В РОДНОЙ БЛИЗИ,
В РОДНОЙ ДАЛИ***

Стихотворения и переводы

Чикаго
Art 40
2018

УДК 82-14
ББК 84(4Рос)
84 (4/8)

Олег Комков. В родной близости, в родной дали: Стихотворения и переводы. Чикаго: Art 40, 2018.

В сборник Олега Комкова вошли стихи последних лет и избранные поэтические переводы.

Олег Комков (р. 23.09.1977) – культуролог, герменевт, переводчик. Доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Оригинальные стихотворения и переводы Олега Комкова публиковались в “Литературной газете”, сербских литературных журналах “Траг” и “Српски југ”, в разделе “Антология мировой поэзии” чикагского еженедельника “Реклама”, в литературных альманахах “Белый ворон” (Екатеринбург – Нью-Йорк) и “Слова, слова, слова...” (Чикаго – Москва), в журнале поэзии “Плавучий мост”, в литературно-художественном журнале «Переводчик» (Чита), в сборнике «Художественный перевод и сравнительное литературоведение». В 2016 году в Чикаго вышла книга стихов Олега Комкова «Тихое вече».

ISBN 978-1718650404

© Олег Комков, 2018

СТИХОТВОРЕНИЯ
2015 – 2018

Сергею Александровскому

Невнятным сном, что снится вещей лире,
нечаянной освобождён весной,
до времени исчезнет где-то в мире
печальный джинн, однажды бывший мной,

и, как мираж, войдёт в амарнский зной,
и станет мглой, почившей на менгире,
и взвеет пыль в заброшенной Стагире —
всему причастный и всему иной.

О той ли доле грезил в рабьем зраке
провидец Ариэль? По чьей вине
мы немые, как магические знаки,

и древле Одиссей страдал вдвойне,
не ведая, что ближе всех к Итаке
он был, когда встречал её во сне?

Юрию Лукачу

Пора, мой римский призрак, нам уйти
туда, где тлеет свет на камне узком,
швырнуть останки сердца трясогузкам
и впредь к бессмертью не искать пути,

но, пепел тишины храня в горсти,
смирненным уподобиться этрускам —
и, может быть, в глухом напеве русском
спустя столетья душу обрести.

Безумной паркой брошенную нить
колдунья-жизнь подцепит ветхой спицей,
вплетёт в узор из потайных узлов, —

и будет нас незримое манить
опять, как даль полдневных ауспиций,
где немотой сокрыты судьбы слов.

САПФИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Гаянэ

Разве только ветер, послушный пенью,
Ведал, как нежна и лучиста кожа
Той, с которой ты так безумно схожа
Взглядом и сенью.

Только звёзды, чуждые сновиденью,
Невечерним светом коснутся ложа,
Словно строфы, сердце твоё тревожа,
Верное бдению.

А душа, как ветер, повсюду дышит
И, как встарь, мотив эолийский слышит
В листьях оливы.

И твои ночные власы овиты
Сокровенной дымкою Афродиты –
Смертным на диво!

ПСИХЕЕ

Мне чудится: ты странствуешь одна,
сама себе играя пантомиму,
несчастливая, как поздняя весна,
что в половодья слёз хоронит зиму,

и тонет каждый жест, касаясь дна
холодной думы, неподвластной гриму.
Какому ледяному херувиму
от века ты бесстрастно предана?

Мне чудится: пустынный тает свет
над безднами, которым ты не рада,
и претворится речь в немотный бред,

и мне от мира ничего не надо:
достанет лишь отпущенного взгляда –
скользить поодаль за тобой вослед.

ОДНАЖДЫ

Однажды, в неизбывно поздний час,
что упадёт сквозь опустевший воздух,
ты пробудишься, словно бы от света
(так, верно, воскресает плоть из праха),
вглядишься в первозданный, ранний сумрак
и вспомнишь золотые грёзы Климта,
пророчившие нам о том, как чудно
любовники, закутанные в ночь,
сливаются с торжественностью мира
и кажутся на свет подобны мёртвым –
их ликам, истончившимся до яви,
их тихим, опрозраченными движениям
и бесконечно молчаливой речи,
которая втекает нам в уста,
минуя слух.

И будет близок, внятен,
как никогда, любовный этот шёпот,
связующий навек живых и мёртвых,
исполненный немых ангелогласий
и сладких тайн; и, как игла, пронзая
непостижимой для бессмертных болью
узорчатую ткань существования,
он станет весь тобою, чистым вздохом,
и тишиной, и тенью поцелуя...

NESSUN MAGGIOR DOLORE...

Нечаянно войти сквозь дикий вир
Сладчайшего, мучительного круга
Туда, где нет ни севера, ни юга
И протяжённый иссякает мир, –

Чтоб стать осколком этой пустоты
И в мерклой коловерти умираний,
Как дивный зов, невозвратно ранний,
Расслышать сон, которым бредишь ты...

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Отчего ты печальна, моя госпожа?
Оттого ли, что видишь, как в сером тумане,
Над останками дня окаянно кружа,
Ворожит вороньё, будто грезит о манне?

Оттого ли, что слышишь, как молится даль,
Где сокрыта душа, обречённая бездне,
И, подобно душе, надеваешь вуаль –
Нечитаемый знак неизбывной болезни?

Для кого? Преждевременных бед не пророчь
И живым не вещай о всеведущей Лете!
Посмотри, как прекрасна беззвёздная ночь,
Что сгустилась над нами однажды в столетье, –

И, как две луноокие смерти, легки,
Мы скользим, позабывши метанья и меты,
Обезмолвленным берегом той же реки,
У которой когда-то встречали рассветы.

Отчего же ты плачешь, моя госпожа?
Разве можно противиться благи рока,
О ту пору как мыслей твоих сторожа
В заколдованном сердце застыли до срока?!

Ты пребудешь со мной – пеленой, тишиной,
Что ещё никогда не была так близка мне,
Только миг – до того как проснуться одной,
Не оставив слезы на отваленном камне.

ИЮНЬ

Лилии Александровской

Споёшь ли вновь, мой вещий Гамаюн,
златую песнь о сбывшемся мираже?
Там, высоко, у райских врат на страже
стоит июнь, божественен и юн,

там душу оплетают, словно вьюн,
из детских грёз прозябшие пейзажи
и облако волнисто-сонной блажи
под вечер насылает кот-баюн.

Там станет песнь предвечна и чиста,
что забытьё похищенных царевен,
чей дольний смех до времени утих, –

и вновь сомкнутся вещие уста:
так замирает мир, дремуч и древен,
пока летит над ним волшебный стих.

AESTUS

Как райский сад, исполнено пустоты,
Разлив прозрачный говор безмолвия
Над мертвенной громадой мира,
Дремлет во славе младое лето.

На долгий миг забывшаяся земля
Пулями плоти входит в незримое:
Следят заворожённо души
Бездны свои в светоносных ликах.

И снежно веют явью небытия,
В небесной неге праздно рассеяны,
Подобно мыслям о минувшем,
Призрачных жизней седые тени.

С пустого неба звёзды падали
Во мглу, где мы как боги жили,
И птицы, падкие до падали,
В недвижимом воздухе кружили.

Порой являлись нам из темени
Развоплотившиеся лики,
И рвал старик с больного темени
Власы, что стебли повилики,

И ворожил, и заговаривал
Чужую смерть, молча о чуде,
И тайну чёрную заваривал
В покрытом плесенью сосуде.

Но умер волхв, и позабыли мы,
Бичами времени разимы,
Как млели сказочными былями
Божественные наши зимы.

Поныне, в ту же стынь беззвездную
С мольбами руки простирая,
Мы носимся над снежной бездною
Подземного, немого рая.

И даль влечёт путями санными,
И души ропщут: явь иль сон мы?
А твердь нептичьими осаннами
Взорвали ангельские сонмы.

Шум ветвей – что ветхий голос Вед:
бредящей души осенний свет.

Этот сад, возросший на крови,
райским взглядом прозревал кави:

горечь сомы, трезвый, мёртвый сон,
красоты и смерти унисон

для омывших временем главы
станут лёгким бременем листвы.

Как реченья древнего Агни,
с неба жертвой падают огни,

и в глазах медлительно горят
письмена миров, за рядом ряд...

Вязь и прорись. Вещий голос Вед.
Золотой души последний свет.

ДИПТИХ

Я не один в полночи. Я – тот,
кому на тростниковых свитках Нила,
разлив по водам лунные чернила,
волшбу письмен дарует мудрый Тот.

Я не один в бессмертии. Я – хор
немотных теней западной пустыни,
где в снах отца, забывшего о сыне,
сокольным оком бдит небесный Хор.

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Вере Хорват

Кому дано средь музыки планет
расслышать мир, в котором плачут камни?
...Я молча прожил миллионы лет,
когда явила молнией строка мне

на мёртвом языке оживший след, –
так Иродовы сны о Мариамне
мерцали потаённой вестью: *там* не
проходит время и не меркнет свет...

Пока трепещет каменная грудь,
издревле полнясь тяжестью и мглою
в предвечный час искупленной вины,

мы дар покоя силимся вернуть
и, словно взгляд, скрываемся в былое,
небывшему, как смерть, обречены.

ИЗ АНТОНИО МАЧАДО

Сергею Александровскому

Однажды под вечер
весна мне шепнула:
Коль странствовать хочешь
землёю цветущей,
от речи очисти
усталую душу.
Пусть лён белоснежный
для путника будет
одеждою боли,
одеждою чуда.
Отдайся любовно
и счастьем, и грусти,
коль странствовать хочешь
землёю цветущей.
Весне я ответил
под вечер на ушко:
Давно твоя тайна
мне душу замкнула:
я проклял то счастье,
что проклято мукой.
Но прежде чем кану
среди пёстрого луга,
прими приношение –
умершую душу.

Татьяне Берфорд

Из пыльной тишины, из тени схолий
вот-вот похищен будет праздный слух
вакхической вереницей фоллий:
опишет в забытии за кругом круг –
и вдруг очнётся там, где, смертной долей
увенчанный, вознёсся Капитолий
над лепетаньем призрачных старух.

И каждый звук, что невозвратно прожит,
безумства мук и снов стократ умножит,
литоту обращая в литию.
Не так ли мысль, творенью соначальна,
благовестит по-жречески печально,
что бытиё равно небытию?

ГОСТЬ

Молча стал у низкого порога,
Глянул обжигающе, сурово –
То ли вестник, облачённый в слово,
То ли странник, потерявший Бога.

И реченье было бездыханно,
Точно говор мертвенной пустыни,
И невнятно молвило о сыне,
И таилась в воздухе осанна

Чистой мглой, окутавшей Киннерет,
Белым светом тлеющей одежды...
Опусти измученные вежды:
Явь – забвенье. Кто в него поверит?

НАВЬ

Нездешний август. Сушь. Пустыня. Зной.
Томится день в залитом глиной мифе,
что Соломон пред взором Суламифи,
увенчанный предвечной сединой.

И тяжко дремлют в нищете земной,
не помышляя о небесном скифе,
пески души, по слову тайных пифий
издревле разлучённые со мной.

НІРРО

В тебе, душа, я измеряю время:
натужно, обречённо заклиная
мгновения, исполненные плоти,
окаменелой речью, будто грежу
о горечи невыпитого яда,
немирной яви, несказанной были,
несносных снов, непрожитой вины.
В тебе, душа, я осязаю время,
когда потухшим взором василиска
встречаю твой небесный взор – и слёзы
твоих видений обращаю в глыбы
слепого льда, и тяжко миг за мигом
мне в сердце падает и долго, долго
на стылом сердце тает. Так я брежу
зонами, эпохами, веками,
слежу пустые воды лет и дней
и мерный, мёртвый бег минут, подобный
течению подземных рек. Доколе
тебя, душа, мне мерить этой мерой
вещей и тел, падения и смерти?

Спроси меня о времени – я знаю:
оно стоит, не в силах шелохнуться,
разверстое полуденной пустыней,
взнесённое сияющей Голгофой;
и я бреду сквозь пламя суховея,
в седом песке увязнув по колено,
и так бреду вдоль череды мгновений,
и каждое мгновение – сокрестье.

Я вижу – но меня о том не спросишь.
Я знаю – но вовеки не отвечу.

СМЕДЕРЕВСКИЙ ТРИПТИХ

Вере Хорват

1

Лунный серп сияет над стеной Твердыни.
Ветер стылой тенью бродит вдоль Дуная,
словно скорбный деспот: бредя и стеная,
внемлет издалёка горклый дух полыни.

А наутро осень в золотой гордыне
сызнава уронит, от судьбы шальная,
капли слов, что, верно, молвила Даная:
разве только в Смерти Жизнь осталась ныне.

Разве только в Смерти? Лепотой осенней
венчаны от века сонмы воскресений,
о которых помнят берега и виры.

Поздний гость, предавший душу снам и мукам,
пропою отсюда самым сербским звуком,
что извлечь способен я из русской лиры.

2

Чистый свиток полдня. Пред немотным взглядом
потаённой речью осребрились воды:
говор вечно юной и больной природы
вновь течёт беспечно вдаль, с душою рядом, —

к тем краям, где, внемля канувшим обрядам,
в камне тихо тлеет след лепенской оды
и винчанской мглою овекает годы
чья-то весть, что станет снадобьем иль ядом...

Чист поныне свиток. Точно дуновенье,
к пустоши полдневной льнёт благословенье
смедеревской сени. В странной той прохладе

я вдыхаю терпкий аромат из джезвы
и слежу, как брезжат, ревностны и резвы,
ласточкины мысли на предвечной глади.

3

Лунный серп остынет. Ночь коснётся стали
нежно и тревожно, точно старый воин —
верного оружия. В песенной печали
звёздный голос ветра будет строг и строен.

Ночь коснётся сердца. Кем, скажи, мы стали
за века забвений, смут, любовей, боен?
С думой о прощеньи, с грёзой о начале
брежу древней тайной, коей недостойн.

Серебристых былей мреет вереница...
Я вернусь, и въяве снова мне приснится
Сербия, как сердце, слёзная, больная.

И на млечных тропах памяти и веры,
в дуновеньи мира, что не знает меры,
я услышу спевы светлых дев Дуная.

Вчерашней тени руку протяни,
такой родной, далёкой, близкой тени:
она глядит с тоской о тяготеньи
в твои пустые дни. Рыдай, стони,

стань ветром средь обуглившихся стен,
стань морем забытья, в котором тонет
прощальный глас, непрожит и непонят, —
молчанье всепрощающих устен.

ПЕРЕВОДЫ

АХИЛЛЕСОВЫ КОНИ

О асфодели! в сумраке
два жеребца со ржанием
пред вами проскакали...
Блестя, как волны, спинами,
из моря в диком натиске
на берег пустынный вырвались,
громадны, с белой пеною
на яростном оскале...
В их взоре тлела молния;
лишь миг – и в бездну ринулись
они, волной меж волнами,
и пеною средь пенных вод
исчезли. И припомнилось:
из тех коней неистовых
один вещал пророчества*.
И, дланью богоравною
держа бразды, молодой герой
спешил навстречу дали...

* Кони Балий и Ксанф, свадебный дар Посейдона отцу Ахилла Пелею, были бессмертны и умели говорить. У Гомера Ксанф, после гибели Патрокла, предсказывает Ахиллу скорую смерть (Илиада XIX 404-415).

Святые кони! ревностно
вас рок хранит от Леты;
извечно вам дарованы,
на чёрных лбах начертаны
для смертных глаз, огромные
белеют амулеты!

СОВА (ИЗ «ИОНИЧЕСКИХ РАПСОДИЙ»)*

Синеет издали Нерит[†]; и дуб в лазурной дымке,
лишённый тени, высится над сонной гладью моря.
Цветами белоснежными в воде застыли чайки.
А в бездне голубеющей повис недвижно ястреб –
и крылья распростёртые трепещут, словно брови
под сенью мысли девственной, подобной сновиденью...

Прохладой майскою Борей намерзая веял; волны
хрустальным светом искрятся, и чад исчез песчаный,
и дремлет ветер в рощице, прозрачно-бестревожен;
и не курится фимиам с олив пред ликом солнца.
Морскою мглой пролитая, царила ночь над полем,
и реял в сумраке Борей, и, внемя майским чарам,
вилась поутру бабочка над пеною прибрежной...
И, в волнах выкупав зарю, почувал я, что льётся
по венам кровь лазурная, как синь сквозь ветви древа;
и светлый ум благоухал цветущею оливой,
что блещет, белопенная, в морском дыханьи ветра...

И дева синеокая, что вслед за мной скользила,
воздев главу над волнами, меня спросила грозно:
"Ужели вправду ласточки смеялись над совою,
когда, поднявшись медленно, одна, в полдневном свете
она безмолвно проплыла над виноградным садом,
где даже пёс пугается огромной низкой тени?
Ужели вправду ласточки смеялись над совою
и ветерок подхватывал их ласточкину радость,

* Образная система стихотворения частично строится на игре слов: ὑλαύκα (сова), Γλαύκη (Главка, имя морской нимфы-нереиды) и ὑλαυκός (синий, лазурный).

[†] Нерит – гора на севере о. Итака.

когда, крыла совиного коснувшись мимолётом,
они взметнулись к небесам с протяжным верещаньем?"

И белой яростью зажглось чело прекрасной Главки:
священной птицей пренебречь, избранницей Афины!

И деде я отвечивал, словами окрылённый:

Пусть ворон дышит завистью, пусть ласточка смеётся –
священны ввек дары олив, и присно будет с нами
глядеть внимательно сова в божественные ночи...

СПАРТИАТ

Благословен пребудешь ты, доколе
себя смиряешь рабством, связан туго
с железными талантами*, как в поле
волы – с еловою грядилью плуга;

презревши тех, чья надломилась воля,
ты, будто древо, высишься упруго!
Одним – навек батрацкой жизни доля,
другим – Олимпа славная округа.

Пусть Артемида блещет, как денница,
над всем, что выстоит и что склонится;
державен шаг её священных ног.

И коль, споткнувшись, отрок провинится,
взовьётся плеть в карающей деснице,
как щупальца подъявший осьминог.

* В древней Спарте долгое время имели хождение железные деньги с очень низкой номинальной стоимостью, которые затруднительно было использовать за пределами города; для перевозки даже относительно небольшой суммы могла потребоваться телега (см.: Плутарх, «Жизнеописание Ликурга», IX).

СПАРТА

«Я давний помысел тебе открою;
среди юношей, искусных в ратном деле,
блистаешь ты ярчайшею звездою;
могучий дух играет в статном теле.

Постой... От века, чуждые покою,
мы юность, как коней, смирять умели...
Хочу я, чтоб с моей женой молодою
ты ночь одну провёл в моей постели!

Ступай... Она стройна и вожденна,
как некогда – прекрасная Елена...
Пролей в неё живительное семя...

Сожми её в своём объятии львином –
и Спарту одари достойным сыном,
бесплодной старости низвергнув бремя!»*

* В основе сюжета стихотворения – спартанский обычай, описанный, в частности, Плутархом: "Внеся в заключение браков такой порядок, такую стыдливость и сдержанность, Ликург с неменьшим успехом... счел разумным и правильным, чтобы, очистив брак от всякой разнузданности, спартанцы предоставили право каждому достойному гражданину вступать в связь с женщинами ради произведения на свет потомства... Теперь муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим" (Плутарх, Жизнеописание Ликурга, XV, 6-7; перевод С.П. Маркиша, ред. С.С. Аверинцева).

ДОРИЧЕСКОЕ

На узком ложе – профиль вожденный:
остриженный загривок Аполлона*,
тяжёлой негой налитые члены –
как облако над краем небосклона...

Ещё желанье не коснулось лона, –
о стрелы Артемиды, дар нетленный! –
и в бёдрах девственных, запечатленный,
холодный мёд струился потаённо...

И, миром умахён, как на арене,
пал юноша пред нею на колени,
борцу подобный, жаждущему схватки...

Сцепились руки в яростном агоне;
и вот – уста слились в едином стоне,
и влажные объятья были сладки!..

* По спартанскому брачному обычаю, описанному в сонете, невесте перед первой брачной ночью коротко остригали волосы (см.: Плутарх, Жизнеописание Ликурга, XV, 4-5). Сравнение отсылает к изображениям Аполлона в дорическом стиле; примером служит фигура на западном фронтоном храма Зевса в Олимпии.

БОГОМАТЕРЬ СПАРТАНСКАЯ

Не в белом мраморе Пенделикона*,
не в бронзе явится Твоя икона;
но в кипарисе, полном аромата,
бессмертный образ воплоти я свято!..

И на холме, где высится зубчато
венецианской крепости† корона,
воздвигну грозный храм, и у амвона
пробудешь Ты, безмолвием объята!

Колокола в урочный час молитвы
напомнят звон щитов на поле битвы
иль гулких систров мерное бряцанье!

И поутру, когда лучи денницы
коснутся окон, тёмных, как бойницы,
Твой лик овеет строгое мерцанье!

* Пенделикон (Пендели) – гора в Аттике, расположенная к северо-востоку от Афин, место добычи высоко ценившегося в древности белого мрамора. Из пенделийского мрамора, в частности, был построен афинский Парфенон.

† Очевидно, имеется в виду крепость Мистры в 6 км к западу от Спарты.

ПОЛЁТ

Томленье крыльев, буйный зов природы,
я ощутил впервые в небе Рима...*

О гул ветров, что голосом свободы
в священный путь влечёт неодолимо!

Взыграло сердце, позабыв невзгоды,
когда сквозь вихри, мчавшиеся мимо,
мой крик взлетел под облачные своды:
«В Элладу, друг! Пусть радость будет зрима!

Туда, где в золотом сиянии нимба
стихией правит властный Дух Олимпа,
в алмазный полдень, полный вечных сил;

стрелой пронзая даль, мгновенным эхом,
туда, где грудь звенела первым смехом!"
Но ветер-жнец слова мои скосил...

* В 1910 году в Риме Сикелианос впервые летал на аэроплане. Позднее, в Афинах он познакомился с одним из первых греческих авиаторов Фаносом Велудиосом и совершил с ним два полёта над Грецией. Неизвестно, каким из полётов вдохновлён этот сонет, впервые опубликованный, по нашим сведениям, в 1914 году в александрийском журнале «Новая жизнь».

НА АКРОКОРИНФЕ*

Акрокоринф алел, воспламенённый
огнём заката. В сумраке долины
шумел прибой; мой конь разгорячённый
вдыхал, пьянея, сладкий запах тины...

Зрачки – что две огромные маслины;
навыкате белки; оскал вспенённый, –
он рвался из узды, стремясь с вершины
умчаться ввысь, простором окрылённый...

Что это было? Терпкое дыханье
морских глубин? иль роц благоуханье
из дальней мглы? иль наважденье часа?

Когда б мелтеми[†] не утих на время,
я, верно, осязал бы круп и стремя
летающего над бездною Пегаса!

* Акрокоринф – высокий скалистый холм, на котором располагался акрополь античного Коринфа.

[†] Мелтеми – местное название северо-западного ветра, дующего в жаркое время года.

ТРЕХАНДИРА*

В объятьях ветра мчалась трехандира –
дугой изогнут парус, полный страсти, –
к нагим горам, что голубели сиро,
держала путь, послушна чьей-то власти...

И лился гул в голубизну эфира,
как струны, пели мачта, рея, снасти,
– и прыгали дельфины в диком счастье, –
воистину из волн явилась лира!

Киль резал гладь секирой, без усилий...
И пенный след, что пара белых лилий,
звенел, играя систрами капли...

Вдруг показалась гавань из-за склона,
в полдневном зное грянуло: "Салона[†]!" –
и свежий бриз подул навстречу цели!

*Трехандира (трехандири) – традиционное греческое парусно-гребное судно, родственное турецкому каику; отличается изогнутой формой вертикального кормового бруса (рудерпоста), к которому крепится руль. Собственно, такую форму обозначало в византийскую эпоху слово *τροχωντήριον*, к которому, возможно, восходит более позднее название. Полагают, что этот тип судна ведёт происхождение из Адриатики, от далматского трамбакуло. Первые греческие трехандиры появились, предположительно, в 17 веке.

† Салона – местное название города Амфиссы, портом которого является Итея на побережье Коринфского залива.

СОВА

О древняя насельница развалин,
меж ветхих стен и выщербленных створ
порхнёшь, как Мысль, вдоль мраморных прогалин
бесшумно, пышный распахнув убор,

к святым ступеням храмов, где простор
разлился в бледном свете, безначален,
и с фриза в ночь, недвижим и печален,
огромных глаз твоих вперится взор!..

Я видел, как в священном Парфеноне,
взмыв тенью, ты воссела на колонне
— в мерцаньи, угасавшем среди руин, —

подобно Мойре на бессмертном троне,
и реял, словно в длящемся зоне,
твой плач ночной над участью Афин.

ЗООФОР*

Багровыми, как яблоко, пятами
впиваясь в крупы, где дрожат извивы
набухших конских вен над животами
и потных мышц блистают переливы;

вцепившись властно чуткими перстами
в подобные лебяжьим крыльям гривы,
они спешат, торжественно-игривы,
воздев главы, увитые цветами...

Земля раскалена... Звенят цикады,
рождая песнь победы и отрады...
Вот пеплос вознесён[†]; и, вторя сферам,

как ветерок, незримой силы полны,
бегут коней танцующие волны -
то рысью, то галопом, то карьером...

* Зоофор - в архитектуре древнегреческих храмов одно из наименований фриза с фигурами людей и животных. В сонете описан зоофор афинского Парфенона, изображающий праздничную процессию в честь богини Афины с многочисленными всадниками.

† Пеплос - плащ из тонкой ткани без рукавов; во время описываемого праздника участники шествия несли огромное полотно, сотканное афинянками и предназначенное в качестве одеяния для статуи Афины.

АНАДИОМЕНА

В блаженно-розовых лучах – глядите! – выхожу из вод
с воздетыми руками.

Волны божественный покой велит бестрепетно ступить
в лазурь под небесами...

Но дикой дрожью полнит грудь мою дыхание земли
в неистовом обряде!

О Зевс, морская давит глубь и, словно камни, тянут вниз
волос тяжёлых пряди!

Ветра, спасайте! Дщери вод! возьмите под руки меня,
о Главка, Кимофоя!

Не знала я, что страстно мне объятья Гелиос раскрыл
в просторе, полном зноя...

МОЛИТВА

Нагая молится душа. От радости, от горя
свободна, в тайный час
нагая молится душа; Тебе, Создатель, вторя,
звучит нетварный глас,

что, прежде чем войти мне в плоть, – невидимой цикадой
в оливковых кустах –
звенел, в груди Твоей сокрыт, и сердцу пел с отрадой:
«Во всём – победа!» – и гремел в моих устах

Твой, Боже, самовластный зов. Ему, как прежде, вторя,
молю: в душе остывшей обнови
священный жар, вкушённый мной в надвременном просторе,
для той любви, для той любви,

что реет благостно над бездною творенья,
над миром мёртвых и живых,
соединившихся в моём сердцебиении;
дай, Боже, вечных тайн Твоих

изведать сызнова, Эротом безначальным
мою утробу опали –
и, словно ветер, оживу дыханьем беспечальным
в родной близости, в родной дали...

ЗА ТО, ЧТО СЛАВИЛ Я ДУШОЙ...

За то, что славил я душой священный лик земли
и тайных крыл не простирал, ища себе награды,
но в тишину вращал умом, от суеты вдали, —
уста опять родник щедрот, возжаждав, обрели,
живой, танцующий родник, родник моей отрады...

За то, что отроду судьбу не вопрошал с тоской:
«когда?» и «как?» — но, в каждый час вперяя мысли око,
следил вневременную цель в текучести мирской, —
поныне — ведро иль грозу приносит воля рока —
мгновенья светоносный шар, как плод, созрев до срока,
мне в душу падает с небес и дарит ей покой!..

За то, что принял жизнь как есть и не желал иного,
но молвил: «Чистый свет рождён дождливою порой,
и сотрясениями крепка живой земли основа,
пока в творящем пульсе недр извечный слышен строй», —
весь бренный мир передо мной развоплотился снова
и Смерть отныне стала мне великою сестрой!..

ДЕДАЛ

Сама судьба назначила Икару
взлететь и пасть... Когда легко на плечи
он принял бремя грозных крыл свободы,
великого отца изобретенье,
одна лишь юность обрекла нещадно
на гибель тело – хоть и не сумел
он таинство постигнуть равновесья!

И сердцем неокрепшие мужчины
застыли в страхе, содрогнулись жёны,
когда узрели над морскою бездной
младое тело, что, подобно чайке,
сквозь ветер взмыло к небу и внезапно
исчезло из виду.

И показалось
им необъятное пространство моря
одною бесконечною слезою,
огромным сгустком плача, что лелеял,
как эхо, имя юноши и черпал
в том имени свой смысл, и глас, и душу...

Но если муж, который с ранних лет
твердил, что небо и земля едины,
что мысль его – середина мироздания;
что смешана земля со звёздным сводом,
как с почвою подпочва, и пшеницу
рождать способно небо;

если тот,
кто увидел давно печать могилы
на душах и деяньях человеческих
и – как однажды статуи, которым

он даровал свободу рук и ног,
чтоб следовать могли путями света, —
сердца людей освободить решился;
кто вымостил массивными стволами
божественный корабль и весь наполнил
его не златом, не слоновой костью,
не янтарём — но избранною ратью
Героев, уготовав им дорогу
в бессмертье;

если тот, кто заточил
себя в темницу собственною волей —
так гусеница ткёт могильный кокон,
чтоб, в нём сокрывшись, обрести по смерти
иное естество, — и, погребённый
в глубинах Лабиринта, видел сон,
как будто проросли крылами плечи,
и, час за часом сон одолевая,
проник в него и подчинил рассудку;

а после вдруг узрел, как окружила
его толпа — и грозное Искусство,
что Богу предназначил он, ославить
хотела праздного ума забавой
пустою;

если, утомлённый грузом
усилий бесконечных, облачившись
в те крылья, как в доспехи, он взлетел
и ввысь поднялся, рассекая ветры
спокойными движеньями, подобно
жнецу, что взмахами серпа срезает
густые волны вызревших колосьев,
высоко над толпой, над зыбью моря,
что поглотило сына, за пределы
рыдания, ибо жаждал искупить
своей душой навеки душу мира;

– пусть сердцем неокрепшие мужчины,
пусть немощные жёны, что умеют
лишь тихо плакать, обряжая мёртвых,
иль причитать на поминальной тризне,
промолвят:

“Се отец жестоковыйный!
уже клонилась жизнь его к закату,
но страшного пути он не оставил,
бесплодную спасти надеясь душу!”

И пусть другие молвят:

“Покидает
он дольний мир и все людские тропы,
взыскупя невозможного.”

Поныне
пусть молвят так...

Но ты, великий отче,
воззри на нас, детей, что с ранних лет
увидели на всём печать могилы,
что, словом иль резцом вооружившись,
все силы духа отдают борьбе,
стремясь подняться ввысь над плотоядной
мирской текучестью;

о славный отче,
мы знаем: небо и земля едины,
и наша мысль – середина мироздания,
и смешана земля со звёздным сводом,
как с почвою подпочва, и пшеницу
рождать способно небо;

молим, отче:
в часы, когда навалится на сердце
вся горечь жизни неподъёмной ношей
и силы в нас не пробуждает юность,
но только Воля бодрствует упорно

над смертным зраком – ибо перед нею
мелка пучина моря, что сжимает
всех тонущих безжалостною хваткой,
мелка земля, вмещающая мёртвых;

в часы зари, когда одна дремота
и мёртвых и живых объемлет купно –
одних без снов, других средь сновидений, –
не исчезай, пари пред нашим взором,
неспешно возносясь на верных крыльях
в небесные высоты нашей Мысли,
Дедал надмирный, вечною Денницей!

САМОУБИЙСТВО АДЗЕСИВАНО, УЧЕНИКА БУДДЫ

Занёс кинжал рукою безмятежной
Адзесивано. Чаяла исхода
его душа голубкой белоснежной.
Как из глубин священных небосвода
скользит звезда, лучась в ночи безбрежной,
как с яблони цветок спадает нежный,
дух излетел туда, где ждёт свобода.

Такие смерти не пройдут впустую.
Лишь те, кто жизни чистоту святую
от века возлюбил и видел ясно,
способны пожинать без содроганья
великий урожай существования
в урочный час божественно-бесстрастно!

ЙОВАН ДУЧИЧ (1874 – 1943)

(с сербского)

ИЗ ЦИКЛА «ТЕНИ НА ВОДЕ»

В СУМЕРКАХ

Вновь уводят думы, тяжки и тоскливы,
Вдаль, в пустое поле. Стыло блещут росы.
Над водою мутной горько плачут ивы,
И холодный ветер теребит им косы.
Полумёртвой сенью на закате мреет,
Тихо угасая, бледный дневный пламень.
В небе надо мною ширь немая реет,
Мгла покрыла реку, лес, цветы и камень.

Вот погост у яра. Здесь лежат селяне:
Родичи, соседи – всяк другому ровня;
И стоит поодаль в меркнувшем сияньи
Набожно и скорбно ветхая часовня.
На селе потухли огоньки сторожка -
Ночь, уснули доли... Лишь, как призрак млечна,
От села к погосту криво вьётся стёжка,
Чудна, неусыпна, коротка - и вечна.

ЛИСТОПАД

Шла со мною молча: холод полнил вены,
Слёзы не сребрились в помутневшем взоре;
Мертвенно глядели розы и вербены,
Сокрушённый вечер опускался в горе

На седые воды. Словно тень, скользила
Поступью забвенья, тихой и угрюмой.
И одна и та же угнетала сила
Нас бесслёзной мукой и печальной думой.

Тьма недужной ночи осыпала прахом
Старые платаны, водное зеркало;
Два бессонных сердца слушали со страхом
Тишь, где всё так долго, мирно умирало.

И когда сомкнулись в сумраке изгнанья
Губы, ледяные от душевной смуты, -
Нам явился тайно ужас осознания:
В каждом поцелуе – смерть одной минуты.

В каждом стуке сердца - чьей-то смерти эхо!
В каждой страсти – бездна чьей-то вечной стыни!
Серой мглы ноябрьской зыблется прореха:
Разве только в Смерти Жизнь осталась ныне.

АККОРДЫ

Лиловой ночью тихо бродят тени;
Сквозь шелест звёзд, мучительно-знакома,
Почудится в немотном запустеньи
Мне песня сфер над гладью окоёма.

И вновь объемлет небеса и землю
Извечный гул, что слышен издалече;
И вновь недвижно, немо, долго внемлю
Я говор вод и шумных листьев речи.

И в языке немолчном разумею
Глас Бытия и каждой вещи шёпот...
Порою тишь наступит, а над нею –
Лишь сердца стук... Но тот же смутный ропот

Проснётся в чаще леса; за ударом
Послышится удар; раздастся ясно
Из чёрного рогозника над яром,
По полю пробежит... И многогласно

Достигнет недр земли! Во тьме страданья,
Как колокол, исполнившийся стона,
Немыслимое сердце мирозданья
Забьётся мерно, тихо, монотонно.

ТИШИНА

Позабыт пролесок, сумерками тронут;
Брег покрыли тяжело тишина и травы.
Здесь под вечер воды в тихом горе стонут,
И шумят забвеньем вербы, свесив главы.

Средь ветвей, где мреет празелень густая,
Встретил я Разлуку: вечно молчалива,
У реки застыла, наяву мечтая,
И, бледна, глядится в синеву разлива.

Долго ли – не знаю. Но в немотном доле -
Словно чей-то голос пал из ниоткуда -
Тишина проснётся с тяжким вздохом боли,
И пройдёт по листьям дрожь тоски и худа.

ТОПОЛИ

Что шумят во мраке тополи так страстно,
Так тревожно, странной дрожью обуяны?
Жёлтый месяц тихо сходит за курганы,
Дальней, чёрной вестью вставшие безгласно;

Этой мёртвой ночью сны упали в воду,
Сумраком застыли на свинцовой глади.
Лишь трепещут шумно тополи в прохладе,
Шепчут, шепчут странно, внемля небосводу.

У воды недвижной я один тоскую,
Из людей последний, преданный забвенью.
Тень у ног простёрлась. В эту ночь глухую
Я дрожу, напуган собственной тенью.

ОЖИДАНИЕ

Миг святой, последний в долгой круговерти
К нам придёт однажды тихо попрощаться,
И друг другу скажем: вот и время смерти,
Как обычно молвят: время возвращаться.

В даль пустую взглянем, где, пространство горбя,
Пролегла граница между тьмой и светом,
И в глазах застынут слёзы поздней скорби,
Скорби, что не знали мы на свете этом –

Солнечным ли утром потеряв друг друга
В зелени прибрежной; или мгlistой ночью,
В час, как месяц, белый, словно от недуга,
Мертвенную хладность льёт по заволочью.

Этот миг священный в вечной круговерти
Мы устало встретим, чтобы попрощаться,
И тихонько скажем: вот и время смерти,
Как обычно молвят: время возвращаться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвратится снова в пору листопада,
В час, когда заплачут ветры над волнами;
Словно на поминках бледная лампада,
В чёрном одеянии явится пред нами.

Медленную поступь заглушит уныло
Шум осенних ливней. Не узнать, откуда
Пала тень, что мрамор лика омрачила,
Тайну ли скрывает иль вещает чудо.

И душой осенней к нам войдёт с тоскою,
Наполняя дрожью скорбного покоя
Нас, и сад холодный, и немые дали.

А коснётся старых клавиш лёгким взмахом —
Будут звуки чёрны, рассыпаясь прахом
Непроглядной ночи по застывшей зале.

ТОСКА

Небеса пустынно; вечер смотрит серо,
Поздний луч аллею тронул бледной кистью;
В сумерках, нагая, замерла Венера,
Вся в стыде, презревши фиговые листья.

Вечер, чуть касаясь, умастит ей тело
Ароматом розы и росой синей;
Плечи холодный месяц посребрит несмело,
И власы покроет полуночный иней.

Молча ждёт, нагая; только страстным взглядом
К небесам взывает, и кричит, и молит!
А в глазах воздетых – стыд и жажда рядом,
И нагие перси дрожь тоски неволит.

Тихо, равнодушно ночь проходит мимо,
Дует лёгкий ветер, лунным светом вея;
Спят земля и небо; и для всех незрима
Явь любви древней в мертвенной аллее.

НОЯБРЬ

Простёрся, как свинцовая завеса,
Осенний небосвод, немой и грозный.
Поля пусты; над самой кромкой леса
Сгустился вечер, тусклый и морозный.
Река бледна и бредит, как больная,
Скелеты ив скорбят о ней по склонам.
А в тёмной выси, горестно стеная,
Тоскует ветер над опавшим клёном.
Мороз объял стерню холодной хваткой;
На тропах слякоть и пути размыло.
Смолкая, птицы прячутся украдкой
В умерший лес. Всё стихло; тьма уныла...
Не знаю, отчего печаль мне снится –
О чём жалеть? к чему желать иного? –
И отчего так жажду схорониться
И где-то плакать – снова, снова, снова...

МОРСКАЯ ВЕРБА

Верба одиноко клонится к прибою,
Зелень кос тяжёлых распутивши в море:
То молодая нимфа, проклята судьбою,
Обернулась древом и шумит от горя.

Внемлет горной песне, что заря рождает,
Вздохам вод, под вечер ищущих забвенья,
И стоит недвижно там, где всё блуждает:
Облака и ветры, волны и мгновенья.

Морю дарит ветку, ветру – лист на счастье
И шумит, над миром замерев высоко;
А кругом, как в сердце, рвущемся на части,
Жизнь шумит печально... Верба одинока.

ЧАСЫ

День больной и мутный; небо непрозрачно.
Над бесцветной гладью вечер стих в печали.
Час незримый пробил приглушённо, мрачно:
И, поникнув, розы краткий век скончали.

Бьют часы вдругорядь: с тополя слетела
Ветошь мёртвых листьев. Онемели склоны.
Вновь удар чуть слышный: словно дух без тела,
Вниз гнездо сорвалось с опустевшей кроны.

И опять, сокрытый где-то в небе льдинном,
Колокол исторгнет стынувшие звуки,
Наполняя доли трепетом глубинным,
И тоской, и страхом неизбывной муки.

ПОЛНОЧЬ

Ночь. Музейной залы чёрная утроба.
Пред гранитным Марсом, внемля страстной воле,
Тешится вакханка. Молча льёт Ниоба
Мраморные слёзы вековечной боли.

Оплетённый змием, выгнулся в натуге
Торс Лаокоона. Под незримым игом
Смолк Эдип на камне... Тишь по всей округе:
Слышно, как проходит робко миг за мигом.

Вдруг с высокой башни глухо и зловеще
Колокол наполнил тьму полночным звоном —
И во мраке хладном, где застыли вещи,
Отозвался долгим, непостижным стоном.

Охватил внезапно залу трепет странный,
И почуял всякий, будто весть пророчью:
Там, во тьме, измучен вековою раной,
Гладиатор юный умер этой ночью.

ПОЭЗИЯ

Мраморно-недвижна, холодом объята,
Тихой бледной девой ты в мечтах уснула.
И пускай женою будет песня чья-то,
Что слышна сквозь толщу уличного гула.

Лентой не украшу твоего убора –
Пусть желтеют розы в заплетённой пряди:
Слишком ты прекрасна для мирского взора,
Слишком горделива, чтоб служить усладе.

Слишком полно сердце затаённой боли,
Чтобы всех утешить в несчастливой доле,
А для праздной славы ты скромна и странна.

Будь же равнодушна, коль девичье тело
Вместо пышных тканей трепетно одела
Мреющая дымка тайны и тумана.

ИЗ ЦИКЛА «ЯДРАНСКИЕ СОНЕТЫ»

БЛИЗ МОРЯ

Из Боки

В каменном безмолвьи, сумрачно и странно
Высится над старым торжищем близ моря
Лев венецианский. Внемлет шум Ядрана,
Где века проходят, волнам тихо вторя.

Ветхий и усталый, с поседевшей гривой,
Он тяжёлым телом в землю врос глубоко;
И, захвачен далью бледной и тоскливой,
Стынет взор недвижный мраморного ока.

Прибегут, резвяся, дети к исполину:
Дразнят, понукают, оседлавши спину,
И палят со смехом из бузинных ружей.

Но спокойно ждёт он, полон мрачной веры,
Как у горизонта старые галеры
Проплывут, объаты вековою стужей.

СЕЛО

Из Трстено

Круторогий месяц виснет меж развилин
Старого каштана; ночь прозрачна стала.
Как больная совесть, смолкшая устало,
Море спит, мерцая сотнями светилен.

Стынут кипарисы; месяц, обессилен,
Льёт серебристый холод; синью заблистала
Изморозь на травах, словно покрывало.
Слышен крик. То кличет на поляне филин.

И село рыбацье с каменистой грани
Соскользнуло в заводь — и за мглою млечной
Еле различимо, как в воспоминаньи.

Всё бесследно тонет в тишине предвечной.
Ни души, ни звука; только где-то глухо
Бьют часы, которых не услышит ухо.

СЛУШАНИЕ

Из Дубровника

Опустился вечер над морской равниной,
Млечный Путь далече высветлился снова –
В этот час, как птица из гнезда родного,
Усталного мхами и пахучей тиной,

Ввысь душа взмывает. Древнею стремниной,
Словно море, полной тягостного зова,
Бьются в ней желанья страстно и сурово...
И шумят над нею звёзды ночью длинной.

Вот, подобно чайке в шёлковом наряде,
Опустилась тихо и на чёрной глади,
Как дитя, уснула, выплакавши горе.

А когда поутру осребрятся дали,
Гласом безутешной и больной печали
В ней шуметь немолчно будет песня моря.

ДУБРОВНИЦКИЙ РЕКВИЕМ

Тягостно и скорбно, вторя гласам хора,
Бронзовые горла исторгали пенье.
А она лежала посреди собора,
Как принцесса Грёза в тихий час успенья.

Так светла, печальна, в белом покрывале;
В гуще роз и мирта утонули плечи.
А вокруг дворяне горестно внимали
Долгой панихиде и держали свечи.

Древние каноны свято соблюдая,
Скорбный чин свершала братия седая,
И померкший полдень в окнах таял зыбко.

Зазвонили отпуст, и под звуки хора
На лице недвижимом тихая улыбка,
Словно сон, блеснула в сумраке собора.

ДАЛМАЦИЯ

Из Сплита

С древней колокольни над холмами Сплита
Мерный звон струится. Дремлет гладь морская.
Кровь зари вечерней на воде разлита,
Стынет и дымится, в сумерках сверкая.

Альбатрос-отшельник кружит над волнами,
Заплутал, родные позабыв просторы.
А в кровавом небе полыхает пламя,
И вдали курятся голубые горы.

Гордо, величаво, вестником крылатым
Альбатрос кружился... В шёлковой порфире,
С высоты блистая пурпуром и золотом, –

Словно дух суровый Диоклетиана*
Посреди любимой далматинской шири
В Царский День, под вечер, к солнцу взмыл неожиданно.

* В Сплите находятся развалины дворца римского императора Диоклетиана (284-305). Дворец, построенный в родных местах Диоклетиана, стал излюбленной резиденцией императора. После отречения от трона в 305 году Диоклетиан провёл там остаток своей жизни.

НОЧНЫЕ СТИХИ

Близ монастыря Св. Якова в Дубровнике

Всё в ночи люблю я: тусклый омрак лета,
Тяжкое безмолвье и раскаты грома;
Мне до боли внятна чёрных рек истома,
Что протяжной песней льётся до рассвета.

Камни, листья, волны, скрывшиеся где-то,
В этой смутной песне шепчут мне знакомо;
И душа, незримым таинством влекома,
В ней шумит, как море, сумраком одета.

Я – частица ночи. В час, как над водою
Утренние ветры лёгкой чередой
Медленно погасят белый звёздный пламень, –

Ночь вздохнёт прощально в забытии усталом
И, овевя мглою и цветок, и камень,
Мне лицо укроет слёзным покрывалом.

ЛЮБОВЬ

Из Стона на Пелешце

В опустевшей церкви не слышать распева,
Только стынь и сумрак долгие недели;
И тихонько плачет в брошенном приделе
Бледная от горя Пресвятая Дева.

И за каплей капля по стене струится;
Лунный свет мерцает сквозь цветные стёкла,
Серебром холодным расстилаясь блёкло
Под ноги Пречистой, словно плащаница.

Здесь крадутся тени вереницей грозной;
Отовсюду веет дух молитвы слёзной.
Мир безмолвен, хладен. Бдит одна лишь Дева.

Так же безутешна и любовь. Без гнева,
Без обид, без цели бдит в душе поныне:
А в руке воздетой – чудо благостыни.

ВЕЧЕРНЕЕ

Из Цавтата

Остров, что покрыли пышные оливы,
В море чёрной чайкой дремлет одиноко.
На безмолвный берег сумерки до срока
Пали, как забвенье, призрачны и сивы.

Словно поцелуи, тихих волн приливы
Льнут к солёным скалам, что чернее рока.
Купол колокольни виден издалёка,
А вокруг маслины, тополи да ивы.

Мне опять не спится. Вновь подумать больно
О тебе; и слышу, как скорбит невольно
Колокол вечерний, исторгая стоны.

Я молчу, затерян в опустевшем мире,
А на волнах тени делаются шире...
И плывут печально звоны, звоны, звоны...

ИЗ КНИГИ «ПЕСНИ ЛЮБВИ И СМЕРТИ»

ХИМЕРА

К тайне солнца жадно простираю руки
И тому, кто сгинул, сердце открываю;
А душа подобна омрачному раю,
Чьих немых гармоний я не слышу звуки.

Пустоши пространства населив собою,
Разлился повсюду ярким орионом:
В этом мире сердца и души, бездонном,
Я живу над страхом, рею над судьбою.

Я страшней и вяще истины и страсти,
Я беды не знаю и не знаю боли;
И душой, безмерной от любви и воли,
С каждым новым шагом утопаю в счастье.

И восходит утро там, где вечер тонет:
В крепкий узел свиты золотые нити;
День мой необъятный грезит о зените
С ласточкою ранней, что недужно стонет.

Ядовитой жажды источаю чары,
Жизнь клокочет, будто пляска злобной вилы;
И во всём трепещут кровь моя и жилы,
И во всём пылают снов моих кошмары.

Так, исполнен тёмной и незримой веры,
Издревле шагаю я тропею рока, –
И коварна, словно солнечное око,
Вечная улыбка на лице Химеры.

СЕРДЦЕ

Дар мой тёмный – сердце, сущего частица:
Со звездой мерцает, с ветром воет сиро;
И когда безгласно вдруг замрёт средь мира,
Глубь его немая громким эхом длится.

Как волна, блистая синевой сапфира,
Расплеснётся в сердце вечный ропот моря,
Что хранит издревле всей стихии горе,
Стон валов утихших, бред шального вира.

Вот погаснут звёзды; внемля сонным думам,
Пробудятся птицы из глубокой тени,
И меня наполнит гнёзд несчётных пенье,
И леса печальным отзовутся шумом...

И уснёт однажды сердце в мире этом,
В такт вселенской боли перестанет биться, –
Но за мигот страшным жизнь его продлится:
Обернётся звуком, разольётся светом.

Возлюбило вечность и не ждёт иного:
Огненные сферы бредят в нём до срока...
И когда родится стук в груди далёкой,
Это дар мой – сердце – где-то бьётся снова...

ЖЕНЩИНА

Мне всё чаще снится лик жены великой,
Чья краса от мира просияет втайне:
Как дыханье божье в пустоши бескрайней,
Обовьёт мне душу тонкой повиликой.

Никому не ведать моего открытья:
Лишь меня одарит волшебства толикой, –
И под тихим взором той жены великой,
Вечно очарован, въяве буду жить я.

Пред её незримой, гордой красотою
Лишь мои отверзлись омрачные очи,
И глухое сердце расцвело среди ночи,
Как дождю, послушно чудному покою.

Красота пребудет с нею нестыдливо,
Убежит бесчестья, лести и забвенья –
И пройдёт неслышно, словно дуновенье,
Избранного сердца тёмные извивы.

И, красу лелея в заточеньи вечном,
Вижу: та, пред коей я стою на страже,
Соткана из той же светозарной пряжи,
Что и мой недужный сон о бесконечном.

ИЗ КНИГИ «ЛИРИКА»

ЧЕЛОВЕК ГОВОРIT БОГУ

В пучине света Ты сокрыт глубоко,
Но чует дух в Тебе свою потребу;
Вовек не слышен Ты земле и небу –
Лишь нам Твой голос внятн от истока.

В Тебе одно – конец и бесконечность,
Пронзаешь сердце Ты, минуя разум...
Когда б ещё душе предстали разом
Всесилье и бессилье, тлен и вечность?!

Взаправду ль путь земной к Тебе приводит?
Неужто смерть глаголет о зачатъи?
Кто ревностно Твои хранит печати?
Кто страшною Твоей границей ходит?

По-прежнему ль, далёким предкам вторя,
Мы образ носим Твой в земной юдоли?
О, если нет – печальна наша доля,
А если да – Твоё безмерно горе!

Что́ дух мой человечий породило?
Враждебен он Тебе иль сопричастен?
Иного не дано! Как тень, безвластен,
Он – край померкший Твоего светила.

Повсюду одинок и полон страха,
Пришелец в этом мире, в этом теле, —
И смерть и жизнь в единой горсти праха, —
Взыскует вечно запредельной цели.

ТЕНЬ

Повсюду тень моя со мною,
Огнистый призрак, джинн косматый;
То соглядатай за спиною,
То недреманный мой вожатый.

У леса вдруг бесследно сгинет,
За лесом снова ждёт, напряжась,
И перед церковью застынет –
Наш древний, первобытный ужас.

Тот знак, что светит, меркнет, студит,
Тот говор неба тёмной речью!
Доколь тревожить солнце будет
Игрою душу человеческую?

Ликует мир, исполнен света,
А человек и тень, как даве,
На перепутьи станут где-то,
Чтоб сбросить цепи тяжкой яви...

Но длится до зари вечерней
Двух судеб вечное сплетенье:
Тень, что самой земли безмерней,
И человек, что легче тени.

НОЧЬ

Сумерки упали сизой тенью,
И блестит звезда с речного дна.
Тишь разлита тополиной сенью...
Ангелы плывут на лодках сна.

С догоревшим днём уходит ныне
В незнакомый путь и часть меня...
Тихо гибнут, что цветы от стыни,
Осени, судьбу свою кляня.

Но придёт последняя минута
И усталый мир возжаждет сна —
Где скитаться в поисках приюта
Ледяной звезде с речного дна?

ПЕСНЯ

Я — Божий сев, что вечно длится,
Во всём рождая слова пламень:
И первое зерно пшеницы,
И цитаделей первый камень.

И первый поцелуй влюблённых,
И нож убийцы в тёмной стыни,
И песнь молитвой окрылённых,
И сон голодных змей в пустыне.

Я — Божий сев, с небес цветущих
Рассыпан пригоршнями в травы,
Чтоб гласом сделаться средь сущих,
Златой трубой Господней славы.

И ураганом в море щедром,
И криком горестным из плена,
И молодым ливанским кедром,
И страшным роком Карфагена.

Я — Божий сев, и в зное лета
Рассеян полными горстями,
Чтоб все засовы в час рассвета
Открыть Господними ключами.

Средь пустоши крупницей праха,
Лучом звезды над горной кручей,
Лампадкой в келье у монаха,
Слезой мученика жгучей.

ПУТНИК

Я – путник, что во мглу рассветную,
Влеком неведомыми силами,
Ушёл тропу искать заветную,
Скитаться присно меж светилами.

И смерть и жизнь, и миг и дление
Приемля в дар, ищу иного я;
Покой мне – вечное стремление,
И каждый день – одежда новая.

Палим жарой, окутан мраками,
Как Слово, что вовек помянуто,
Праобразов мерцаю знаками:
Нить, из конца в конец протянута.

Вовек и семя я, и сеятель,
Един и словом, и обличием;
Одних законов хладный деятель,
Одним воздвигнутый величием.

Но в неизбывных вихрях замяти,
О Боже! дух вопит мой пламенный
О первом утре том, без памяти,
О чистом праге первой храмины.

Познав с Тобой дорогу страшную,
И звёзд, и муравьёв мучение,
Я круг свершил – с немóтой прашною
Вещей в их светлом облачении.

И в те врата стучусь отчаянно,
Из коих вышел в путь однажды я,
Росток живого неприкаянный,
В мирской пустыне влаги жаждаю!

Пускай стрела, что прежде времени
В безвестный край была нацелена,
Вернётся из крошечной темени
К стрелку, чьё имя знать не велено.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда мой прах покойно канет
В прогорклой глине, в перегное,
Тогда межи уже не станет,
О Творче, меж Тобой и мною.

Когда двойное рухнет иго
Добра и зла, души и тела,
Падёт последняя верига
В той жатве, что давно поспела.

Лишённый облика и слова,
Тропу найдя средь бездорожий,
Твоим подобьем стану снова,
На первый день и миг похожий.

Неся в ладони луч денницы,
В глазах — небес прозрачный смалец,
Сойдёт с высокой колесницы
Межзвёздный, вечный Твой скиталец!

Как ветка мирта, что, задета
Крылами ветра, тает бледно
В сияньи нового рассвета, —
Безвестно, тихо и бесследно.

ВЕРА ХОРВАТ (р. 1954)

(с сербского)

ФЕОФАН ГРЕК

ПЕРВЫЙ СНЕГ В НОВГОРОДЕ

Господи
я видел снег —
оком земным — сиянье
Он мне явился во сне:
первый плод созерцанья
в сердце сполохом денницы
а днесь мой порог осыпал
и на ветвях ложится —
им упиваюсь досыта

Не он ли душой исихаста
чтимый превыше злата
покрыл дворы и палаты
и копнами растет из наста?..

Дети узор крестами
пишут по мягкой перине —
так дали морские гладки
пенной окутаны глухо

кисть возьму я тремя перстами
белизна воплотится ныне
в складки в складки в складки —
святые
кристаллы духа!

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Бело и светлым-светло
не млечность
иль белокостность
Нездешняя нежность
надснежность
надежность

Космос
весь
под единою сенью

Только дождаться бы вздоха
облаком в сердце набухло
чудо явленное зренью

ТОРГОВЦЫ

Изгнанные
из храма
тут они
с кучей хлама

Брагу за благо
мыло за миро
мрак за зрак
отдают

Торговцы –
ловцы-
 суесловцы
по следу
ловко снуют

Шерстью торгуют
(щиплют, рыгают)
им люди
 что овцы:
за агнца –
 шкур охапки
суют

А после на лавке
сложат
 волчьи шапки
и в дрёме
распродают
селенья
в раю

ИЗ ЦИКЛА «ВИНСЕНТ»

СЕМЕЙСТВО ДЕ ГРООТ

В укусах соли повисло стыло
облако цинка над горизонтом
Пора ненастных зим наступила
Низкую землю ощупай зондом:

жилище – клетушка-штольня
в Дантовой яме
с керосиновым солнцем

руками-щипцами
из жара картошку хватаем в спешке
Откроет сморщенная ризома
лик сардонической усмешки –
из неё ни нектар ни сома
не окропят цветов
под нашим оконцем

воистину плод земляной
нам явил
сгусток
 узел
 клубок
хтонических сил
тьмы отлог...

У нас картофельные лица
от прегрешений тело кривится
как причастия предвкушение

и залог
клубни едим упрямо

Живём под уровнем моря
с жизнью вечно в раздоре
и другого не ведаем храма

Но не спеши с прозванием
*Manum de tabula**
во имя света!
Что если нет в том срама
Что если едим мы
клубни
диких подсолнухов
лета?

* *Manum de tabula* (лат.) – букв.: „руку от доски!“ Первоначально выражение употреблялось по отношению к завершённой картине, дальнейшую работу над которой необходимо прекратить (см.: Плиний Старший, "Естественная история", XXXV, 36, 10); впоследствии стало идиомой со значением «довольно!», «хватит об этом!» (см.: Цицерон, "Письма к близким", VII, 25, 1; Петроний, "Сатирикон", 78).

ПОДСОЛНУХИ

Вот – небо
вот – планеты:
в поле Твоём
подсолнухов лето

О музыка сфер
о кружение букета
о полыханье
небесного света!

Священное шествие
к солнцу завета
от края до края
века и света

Во исполнение
святого обета
златая корона
к престолу воздета

Я – лишь тростинка
шуршащая где-то
стебель дикого
пустоцвета

Там – небо
там – планеты:
в поле Твоём
подсолнухов лето

ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ НАД РОНОЙ

Нынче волны
пóлны
 полных
 лун
Месяц не луна
нынче он – лун

Нынче отлив
в объятых прилива
нездешним лоснится
земное – что слива
а чёрное с белым –
противоречиво –
сомкнулись в текучее
светлое диво

Эбен и кость
как фосфор играют
Чьи пальцы по клавишам
побежали
всё громче играют играют
 играют
вселенским пиром
наполнив дали

Чьи это светочи – зори зори
Сияющих ангелов библиотека
Иль нотных свитков море море
читаемо-читимо с начала
 времён
до скончания века

Льются светы словно из плошки
Скатерть неба в волны стряхнули
Глодают рыбы тёплые крошки
что во мраке не утонули

Кость с эбеном
как фосфор играют
То месяц воды
гладит-колышет
и воды играют играют
играют
имеющий очи
да видит и слышит

БАШМАКИ

В страхе с лестницы небесной сходим тесными вратами,
с криком наземь опускаю окровавленные ноги, —
башмаки нам здесь даруют, чтоб бескрылыми пятнами
мы отсель месили слякоть на болотистой дороге.

Робко поперву ступаем, а потом, начавши злиться,
ищем тропы покороче мы в ленивом нетерпении;
вдруг, глядим: взирают мрачно с башмаков родные лица...
Наши лица! — и отныне вместо лиц у нас, как тени, —

их помятые личины. А они — в каком-то раже:
если каплет воск на левый — правый в такт стучит подмёткой.
Зашнурованные тьмою — спал один, другой на страже, —
оплетая ноги, правят нашей шаткою походкой.

А когда бродить закончат по трясине, сквозь ненастье,
и придёт пора устало в сонный сумрак окунуться,
у постельного порога стынут бременем несчастья.
Сгустком боли. Той, что вечно не даёт тебе проснуться.

БЕЗУХИЙ ПОРТРЕТ

Пчеларь великий
высокочёлый
в широкополой шляпе
с мягким ободом

снова кругом
одичалые пчёлы
и зеленоглазые оводы

Снуют и снуют
выписывая синусоиды –
вестники мщенья!

Кто же стерпит
целого роя гуд
не зная смущенья?

Что это – гуд
около уха
или под рыжей прядью
звон?

Нестерпимо
восстанье слуха

Отпускаю их –
да изыдут вон!

ИЗ КНИГИ «ДУНАЙСКИЕ ТАБЛИЦЫ»

В НАЧАЛЕ

В начале
слово было
песней
Когда обрёл
первородство мир
из вышней книги
в виде голубине
слетели гласы
словесных лир
Медно-янтарны
вишнёво-сини
водно-лазурны
злато-кровавы
слова осыпáли
словно иней
наши гробницы
глухие глáвы

Тайное слово
как луч
по льдине
сквозь омрак сна
в зенице яви

резцом сотворило
нам
людские лица
в венки вплетая
речные травы –
и разлетелись
хищные птицы
Очнуло очи
очеловечило
уста уснувшие
разговорило
Горла и груди
души и думы
дивное слово
отворило

Всё это было
под сенью бденья –
лебедя-духа
над бездной текучей
плыли над мглою
испаренья
ириса
мирта
скрытых созвучий...

Всё это было
в день тот исконный –
небесной иконы
не застила рама
Стояли по кругу
горы-колонны –
купол держали
безмерного храма

Всё это было
в пору исхода
чудищ морских
к заводи пресной –
в дни когда песни
были словами
а слово –
песней

ЗАЗЫВАНЬЕ

Под водою под водою
Над водою над водою
Пóд воду под вóду
Нá воду на вóду

За водою за водою
Нá воду *на вóду*
По вóду пó воду
На вóдунáводу

Предок-рыба
Миловица
Солнцев сын
тебя изволит
да сам
тебя изловит

мрежью златою
тебя накроет
да бурунами
белорунными

Рыба
непомерна
плавники что плавни
жабры что твердыни
чешуя что волны
ветер веет-верещит
ветер чешую луцит

вьётся хладью
в Котловище*
Вихрем –
Вир

Под ним
каменна
 печать
Ан некому
 прочитать
Иди найди
пойду найду
пой-ду-най-ду

Да некому углядеть
как в твоём прозорном
 чреве
месяц светит молод
месяц сеет молодь
как
Леванту
возливаньё
ты готовишь
и плывешь плеща хвостом
по Евксину-морю
Рыба-песня
Рыба пресна

* Казан («котёл, котловище») – традиционное сербское название наиболее тесного участка Железных Ворот (Джердапской теснины) – сужения в долине Дуная на границе Сербии и Румынии, где течение особенно бурно.

В соль нырнувши
ос-
вещаешь-
ся

ДУНАЙ ИГРАЕТ В КАМЕШКИ У ВИРА

Стань менгир
 стань дольмен
камень мирен
 камень нем
таин омен
 таи *потен*
не узнаю
 тайн о нем

СЧИТАЛКА НА ВЫХОД НЕЗВАННЫХ ИЗ ИГРЫ

Раздв *атри* *четыре* *пять*
камни падают опять
шесть *семь* *восемь* *девять* *десять*
то ли светит летний месяц
то ли сыплются на горы
словно дождик метеоры
десять *девять* *восемь* *семь*
камень был один совсем
эни бени
камень цел
предок твой
окаменел

КАМЕННАЯ КАФИЗМА

Первенцы
Другенцы
Сели на каменце
Ладятся
лепенцы*
Лепятся
каменцы:
кам-мешки
да сеянцы
КаМенгиры
там и тут
(подрастут
подрастут)

Рыбооки
рыбобоки
плачут немо
плачут глухо
есть уста –
да нету уха

* Лепенцы – условное название народа, жившего на территории Лепенского Вира ок. 9000 лет назад. Здесь: антропоморфные каменные фигурки, найденные при раскопках Лепенской культуры.

КОГДА КАМНЮ ТЯЖЕЛО И ОН НЕ МОЖЕТ ДВИНУТЬСЯ С МЕСТА

Коло-каменно-кормило
дар из пламенна горнила
солнце лик тебе гранило
знаменуя диво мило
небо плечи бременило
млеком облачным кормило
ото всех ветров хранило
Рана
 чрево расщемила
в век соломенный склонила

ФЕСТСКИЙ ДИСК

*Снебаласточкислетите
кнамсдунаядолетите*
Чьи-то лица все скуласты?
То явились вам пеласты
да пеластова печать
да чтецы чтоб величать
да ещё жрецы-провидцы
да сновидицы-девицы:
небооки солнцекосы
носят вам покорно просо

Выше ласточки вспорхните
В небе лепень-круг сомкните
Устье-ключ нам сохраните:
Слово-диво Слово живо
Солнцелико Околиво
О коливо О!

БАРЕЛЬЕФ – ШЕСТВИЕ КОР

О минойцы
сивиллы у вас даровитые
вечно парами овитые
что вьются из пор – ядовитые –
где серной мглою повитые
бездны бурлят басовитые

О минойцы
топчите расщелины горные
засыпьте ноздри бесам
безднам
гасите газы снотворные
глушите гласы притворные
Сивилла – вилась
и ты – о Пифия –
пред лаем лавы
и ложным знаньем
лежишь без сознания

Хор кор
скорби
покорных
пусть тоскует

Хор горлиц
горних нетронутых
пусть воркует

Уступим я-
сновиденье
девицам-пеласгам

плескам
блескам
ласкам
и пене

Воспойте
дунайские девы
Анадио-
мене!

Тек елей – ключи-криницы
У парильни леденицы
сини косы-плетеницы
сыну Солнца – оленицы
морю – милицы-родницы
притекли из милой дали
да глазам прозренья дали

Сёстры-сестреньки-сестрицы
чёлн разбился на буруне
Растряслись мы – осетрицы –
по сухой песчаной дюне
Не пытай узор завитый
на руне или на руне
А читай удел забытый
что не сгнил
не канул втуне

АНАХАРСИС

Великая и тихая
между нами Скифия

Страшная как стихия
дивная как *евтихия**

Персия или Скифия?
Скифия или Лидия?

Не та что лежит пресытая
паче – во рвах забытая

Не в вине испитая
паче – под рёбрами скрытая
сила дрожи
срывает венец

Одежда моя – сей плащ
обувь – ног моих кожа
приют мой – скифских женщин плач
что снится мне на жёстком ложе

я здесь гонец

* Евтихия, евтихия (греч. εὐτύχεια, εὐτυχία) – счастье, успех, блаженство.

Тебе – копье
да знамя
мне же – гибкий лук
Сребро гребёшь
горстями
я – свободнорук

С тобой вьюки
да кони
и гоплиты вокруг
а подо мной в погоне –
вольный ветер упруг

Глаголет
что горкочет
горличий твой гук
моё же горло горкло
щит мой – смолкший звук

Как выдохнешь уныло
сердца тяжкий стук
так песнь моя –
удило –
громом грянет вдруг

За счастьем-то
за счастьем –
да в далёкий луг
взмахни-ка там запястьем
нитьями овитым...

Коль по́милу не мило –
силой будешь друг

скифам неумытым
маститым

Здравствуй
досель незнакомый
сыне винных побережий
коих ныне достиг я
летая с Гамаюном

Пусть капля рубиновой крови
пребудет безмятежна
с тихой слезою скифа
и лирой семиструнной

Напьюсь за твоё здоровье
божественным винным соком
во всяком зерне – прозреньё
а всякое гроздие – космос

Скажи Солон: чей покос мы
под этой лозою
 звездной
под вещим оком Селены
что вяще щита и мифа

Скажи Солон мне имя
виноградаря над
 бездной
не откажи в пытании
впервые подпитому
 скифу

Зри грозди три
у винограда –
усладу
 пьянство
 и озлобленье
Беги последних
а первой отведай всласть
 прежде тленья
и прежде холода
что бороду обелит к утру

Три чаши есть на пиру
да не тронут четвёртой гости:
первая – для жажды
вторая – для веселья
третья – для дерзости
а в отлогах четвёртой
таится безумья спуд

Тут на мель садятся невежды
да свои оставляют кости
Тут моргнуть не успев даже эллин
рассудком впадает в блуд

А вот и другая троица
о коей суди без милости –
язык обуздай
 чрево
 и уд

Друга отличай
от лицемера:
друг очей не возводит горé
а недруга лесть – химера
тебе аукнется после
смехом
на агоре

Первый – бальзам
и коль речь сечёт
да громом гремит

Второй – головня:
того и гляди
подпечёт
или очернит

ONDINAE

Водит Дунай караваны
нежных рабынь –
 русалок
Всюду их – мириады
прозрачных
 слёзных
 тонких
бормочут
 заботе рады
омывают каждый голыш
бережно водной негой
одевают в покров и тишь
под илом
 (точно под небом!)
каменя руно и руну –
тайно врезанный оттиск:
рану
 рубец
 корону

Не вынырнут грешные –
вьются
в оковах из атласа
словно волны безгласы

Уста сомкнуты – но тихо
златые очи смеются
когда выводят Плеяды
на водопой Пегаса

Давно мы не листали
каменных рун Твердыни
Не лжепророки сложили
эти скрижали – доныне
панонской волной хранимы *
О морской конёк

О устрица
на вретище каменной схимы
редкой вязью пестрится
свиток-речь о былом
и о том что сбыться не может
Стриж почистит крылом
средоточие – ложе
неприставших улиток
на дне что издревле сухо
(неспоро канут в апории)
нежных раковин
слиток
слишком мелких для уха
истории

* На срезе некоторых камней, из которых сложены стены Смедеревской крепости, можно увидеть петрифицированные останки флоры и фауны древнего Панонского моря.

ЦВЕТЫ

Горит терновник

Марии

Белая голубица

Купина неопалимая

Горит – рдеет – сияет – млеет

Пламень просей сквозь ресницы

а не то сожжёт тебе душу

Возвесть не смею очи горé

(кто читает тот разумеет)

Горит багрецом и *куст*

беглой рабы Марины

Стихи ему пою *наизусть*

как воробы

что чирикают из рябины

Горит –

о чудо –

белым

чёрный тёрн на подворьи

Как он горит коль уже горел?

Как любить коль уже любил?

А горит же – велиим телом:

то не кость его вспучилась

да прорвалась разможена –

власяница на нём истончилась

и выбилась белизна!

После пожара смерзается град
К добру ли? Как знать?!
Поныне зовёт обманом отрад
весна...

Хворал он долгих три года
а то и боле –
здесь каждому году хвала утроена
и удвоена доля
Притаившись
трепещет от счастья
цветения
чистоты...

Каково же будет Воскресение
коль таковы Цветы!

СИНАЙСКИЙ КАМЕНЬ В ДЕВИЧЕ

Мой еси – глас речет –
 избранник
Мой еси – плач течет
 по грани

Синие стены – горé
синие стены – море
под облаками зримо

Сей же час
воссияет
солнца купина
неопалима

Что отдашь за призор
коли гору багряной ризой
до небес волна
 овила неодолимо?

За ризому веры под камнем
что злаки растит сквозь шлаки
неотмирным ликом светлима?

За смуту чуюнья в чуде
за песнь *виденья* –
 не чути –
Нового Иерусалима?

За тьму разъяту до сути
 что можешь дать?

Синезлатоалым покровом
окутала Мать
вершины

Поклон Отцу со словом:

– *Аз Сына!*

ЯБЛОНЯ ИЗ ЕЛАБУГИ

1.

Яблоня
из Елабуги
поздний сбор
Долу сборщик
далёк собор

По-над взором
где окоёма
рвётся кайма

В кроне
гнезятся ласточки
вкруг ствола –
сорняков листочки
Корень – тьма

Жрица коей не сослужили
не заслужили –
разворожили
рас-ставили –
закляла древо да вырастет в силе
плача о том как низка
сама

2.

Через плечо брось гребень:
коль судьба улыбнётся
взрастут в оврагах цветы
и куст колючий сплетётся
среди пустоты
 где пал

Через плечо выплесни чашу:
лава вир в лабиринте свила
что твой след учуял сквозь чашу –
да свернётся в чернила

 Хаос-оскал
бытием очерти
глядь – и явилась чернильница:
в сказке своей – гостинице –
гонителей приюти
 да очеловечь
Напои их и накорми
в диванхане щедро прими
От угольев им
– на темени –
запали *махорку*
 что печь
Расскажи немного
 о времени
ничего об огнive
 и кремне
о связи плеча
 и бремени
гласа и ремeнья –

границы песни прейти
 сказке
заказано

Через плечо брось и камень
который в тебя бросали:
— се воздвигся горою
и точит слезу из дали —

да не отдашь
как Марсий
горло за флейту
ребро за лиру

предстань же свету
как явь угаснет:
листок чистотела
 миру
как ласточка — ласково —
вверх

Сестра пеластова
скифова дочь
в ночь
 забрось
сапожок без пары
Пусть летя
 замлеет
углем от жара
крыльями бабочки
 что стынет горя
в одиночке
 из янтаря

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ (2015 – 2018)

«Невнятным сном, что снится вещей лире...»	4
«Пора, мой римский призрак, нам уйти...»	5
Сапфический сонет	6
Психее	7
Однажды	8
Nessun maggior dolore...	9
Маленькая баллада	10
Июнь	11
Aestus	12
«С пустого неба звёзды падали...»	13
«Шум ветвей – что ветхий голос Вед...»	14
Диптих	15
Эзотерический сонет	16
Из Антонио Мачадо	17
«Из пыльной тишины, из тени схолий...»	18
Гость	19
Навь	20
Нірро	21
Смедеревский триптих	22
«Вчерашней тени руку протяни...»	24

ПЕРЕВОДЫ

АНГЕЛОС СИКЕЛИАНОС

Ахиллесовы кони	26
Сова (Из «Ионических рапсодий»)	28
Спартиат	30
Спарта	31

Дорическое	32
Богоматерь Спартанская	33
Полёт	34
На Акрокоринфе	35
Трехандира	36
Сова	37
Зоофор	38
Анадиомена	39
Молитва	40
За то, что славил я душой...	41
Дедал	42
Самоубийство Адзесивано, ученика Будды	46

ЙОВАН ДУЧИЧ

Из цикла «Тени на воде»	47
Из цикла «Ядранские сонеты»	60
Из книги «Песни любви и смерти»	68
Из книги «Лирика»	72

ВЕРА ХОРВАТ

Феофан Грек	80
Из цикла «Винсент»	84
Из книги «Дунайские таблицы»	91